

Валентина РАДИНСКА

Валентина Радинска перевела на болгарский язык стихи Анны Ахматовой, Иннокентия Анненского, Бориса Пастернака, многих современных поэтов, в их числе Беллу Ахмадулину и Юнну Мориц. Но особенное место в жизни поэтессы занимает Марина Цветаева. В этом случае В. Радинска выступает не только как замечательный переводчик, но и как глубокий исследователь и интерпретатор творчества классика русской поэзии XX века.

АВГУСТ

Памяти Марины Цветаевой

Соль – в моей ране и боль – в моей боли. Марина,
рано ль я вышла, дойду ли когда-то, скажи мне.
Август опять, и в Елабуге светит рябина,
астры на камне горят, словно всё ещё живы.

Август – о, август! – последнее стихотворенье,
чёткой петли, сотворённой тобою, – свобода.
Всё на едином дыхании – без повторений,
и многоточием звёзды ложатся у входа.

Соль – в моей ране и боль – в моей боли, Марина,
август – вначале, а чем он закончится вскоре?
Страшен наш путь, и душа – это только мерило
радостей наших, во мраке сползающих в горе.

Сколько же ран нанесли нам мучители наши –
долгие годы! Марина, уроки я тоже
помню жестокие – в боли, и в немощи даже
горлом кровавым мне всё же воспеть это должно.

Август. Жара. Угрожающе зреет рябина.
Пусть черновик, но мне всё-таки страшно, Марина.
Я – за тобой. И пока все мои – ещё живы,
рано ль я вышла, дойду ли когда-то, скажи мне...

ДНЕВНИК

Помоги мне, любимый! Безрассудному мраку родня,
я хитрила с собою и песни сама себе пела.
А теперь – на краю. И над бездной качает меня,
мою душу качает, как будто она – моё тело.

Что имею я здесь? Я – лишь хаоса малая часть,
вместе с вами со всеми я так же сгибала колени
и трусливо молчала, за пошлою ложью влачась,
примируя лицо от постыдных её искривлений.

Как случилось, что в этой простецкой и жалкой игре
только мать да стихи я спасла от своих же предательств?
Я умела считать, я умела казаться добрей –
это бездна падений и бездна тому доказательств!

И тебе я, любимый, не верила часто... Прости.
Нету времени больше ни лгать, ни хитрить, ни казаться.
Я стою на краю. И бездонный провал – впереди.
Может, скоро и мне уходить, а тебе – оставаться.

Ничего. Пусть другие придут и прошепчут слова,
Над стихами их
плач мой тяжёлой метелью совьётся.
Они скажут о том, о чём я заикнулась едва.
Помоги мне, любимый, коль можешь.
Ещё я жива!

НА МОГИЛЕ ОТЦА

И стемнело. И в луже уныло трепещет звезда.
Две недели шёл дождь, и трава, как шальная, поёрла,
и особенно здесь, на могиле отца... Никогда
не видала такой – чтобы мне доставала по горло.

И дешёвую краску на имени смыла вода,
и разбит фотоснимок на камне, травую поросшем.
И как будто бы дочери нет у него... Никогда,
никогда ничего у него даже не было в прошлом.

И не я, а соседки ходили поплакать сюда,
и порой дотемна в сельском мареве тихо сидели –
и бурьян не шумел, и репейник не рос здесь тогда.
Но давно их уж нет, даже кости, наверно, истлели.

А другим по грязи ковылять в воскресенье невмочь,
и проводят свой день на припёке у старых заборов.
Одряхлели совсем. И когда надвигается ночь –
доливают лампадки без лишних уже разговоров.

Ну, а я лишь могу от бессилия молча кричать
и траву вырывать, онемевших ладоней не чуя,
на могиле отца, где могилы самой не видать
от высокой травы, где сейчас про себя и кричу я...

ГИМН

К.

Если раньше умру – мне глаза закрывать не спеши,
а витые браслеты и кольца на пальцы надень,
спрячь тетрадку мою, заостри мои карандаши, –
мы не знаем, что там, где могильная темень и тень.

Если раньше умрёшь – и такое случается тоже! –
Ты единственным был! – наконец-то признаюсь легко
и прижму я к губам твои пальцы с их тёмною дрожью,
твоё сердце, светившее мне далеко-далеко.

Вот и всё. А теперь я к любому исходу готова –
что мне здесь без тебя? В темноте не увидеть ни зги.
Будут те же спектакли, и сцена, и занавес – снова,
позабудут друзья и надолго запомнят враги.

Жаль, что мы не досмотрим всего представленья земного...
Но зато мы услышим, как зёрнышко в поле вздыхает,
как растёт корешок, белизной повторяющий снег,
как подземные воды его осторожно питают
и по-детски восторженно смотрит он, как человек,

как пырей жизнерадостный хочет прорваться сквозь годы,
залечить имена, влить им вечнозелёную кровь
и от глаз посторонних навеки у горнего входа
спрятать нашу любовь.

Перевела Надежда КОНДАКОВА